

ОТ РЕДАКЦИИ

«Я, Кемоклидзе Герберт Васильевич, родился в 1939 году...»

Так начинается письмо, пришедшее по почте в начале сентября этого года. А 8 мая 2016 года Герберта Васильевича уже не стало, словно почта так горько «пошутила».

«Добрый день, Валерий и Игорь. Что-то давно не виделись. У меня есть такое предложение: не раз прежде печатал юмор в “Юности”, хотелось бы снова засветиться. Посылаю рассказик “Богатырин” и сопроводительные материалы. Надеюсь, что подойдет. Черкните, пожалуйста, получение. Ваш Герберт Кемоклидзе».

К сожалению, обратной связи с Гербертом Васильевичем, которого мы хорошо знали, теперь не существует. Во всяком случае, почта вряд ли сможет донести до Герберта Васильевича наши запоздалые слова благодарности за его теплые встречи и беседы.

«Юность» с Ярославлем связывают довольно длительные и душевные отношения. Нынешнее поколение ярославских прозаиков и поэтов поставил на крыло именно Герберт Кемоклидзе. Он терпеливо и деликатно пестовал молодых, всегда откликнулся на просьбы библиотек и музеев, выступал перед самыми маленькими, очень много читал и, конечно, писал книги.

Книги с подписью Герберта Кемоклидзе хранятся в редакционной библиотеке. И этот юмористический рассказ можно рассматривать как продолжение нашей дружбы, расстроить которую не в силах никто и ничто. Даже смерть.

Очень рады, Герберт Васильевич, новой встрече с Вами!

Надеемся, что и вы, дорогие читатели, со вниманием отнесетесь к этому небольшому произведению человека, посвятившего жизнь литературе.

БОГАТЫРИН

Выписал мне недавно доктор новые таблетки «Богатырин» — от хлипкости. Вот вам, говорит, пачка, в которой этих таблеток десять капсул. Будете принимать по одной в неделю, и месяца через три обростете мускулами.

Иду я из поликлиники домой и вижу — на углу старушка, а у ног ее — здоровенный мешок. Так я сразу тут растрогался, расчувствовался, даже в некотором роде раскис. «Вот стоишь ты, — думаю, — маленькая моя роднюсенькая бабулька. Болят твои многотрудные ноженьки, и рученьки, и поясничка. Отдохнуть бы тебе сейчас, старенькой, на диванчике полежать. А надо взваливать на плечики огромный мешище с какими-то очень ценными для тебя вещичками».

Подхожу к бабулечке и говорю:

— Может, подсобить вам, родная, тяжело ведь, небось, а? Давайте я за вас этот мешок донесу.

— Да уж не надо, милый, — отвечает. — Сам-то ты, похоже, не больно здоров. В чем и душа-то в тебе держится, бедняжка. Уж я как-нибудь сама дотащу, сынок, спасибо и на добром слове.

— Не за что благодарить меня, славная вы моя, добрая старушка. Это я вас благодарить должен, что прожили вы столько лет на свете людям на пользу, а себе не в корысть. Давайте хоть вместе понесем этот груз.

— Спасибо, спасибо, милый, — говорит старушка. — Но только не надобно тебе надрывать-ся. Побереги лучше свое здоровьишко, а я сама с божьей помощью справлюсь.

— Не могу, бабушка, оставить вас без помощи, совесть меня замучит.

— Ну, уж коли совесть может замучить, — говорит старушка, — тогда сделай милость, подкинь мне мешок на спину, а потащу уж я сама.

— Что с вами сделаешь, упрямец моя дорогая, — вздыхаю. — Давайте подкину, раз на большее не согласны.

Взялась старушка за верх мешка, подставила спину, а я начал поднимать мешок и чувствую, с места его сдвинуть не в силах. И так, и эдак, и крихчу, и гикаю — ничего не выходит.

— Что ты там так долго? — спрашивает бабушка через плечо.

— Сейчас, милая, сейчас, роднулька, — отвечаю я, поднатуживаясь, и все без толку.

А неподалеку три верзилы кучкуются, о жизни балакают. И очень их сценка наша с бабушкой заинтересовала.

— Смотри, — говорит один, — хлюпик бы себе пупок не раскурочил.

— Ну и парочка подобралась, — замечает второй. — Шерочка с машерочкой.

— Умру, — берется за живот третий. — Давно не видал такого ток-шоу.

Тут нам меня сразу обида нахлынула, потом злость, а за нею — ненависть. «Ах вы, думают, бугаи откормленные! Я вам сейчас покажу, где раки зимуют! Вы у меня сейчас костей не соберете!»

Достаю из кармана пакетик с таблетками. Раз в рот все десять штук — и проглотил. Чувствую, как подрастать начинаю, силой наливаясь, плечи расправляю, мышцами, как шарами, играю, взгляд у меня появился уверенный, несколько даже насмешливый.

Смотрю, бабка возле меня стоит какая-то незнакомая. Не сидится им, развалинам, дома, бродят все чего-то, суетятся. Мешок какой-то с барахлом волокает, ведьма. На помойку, видать, жалко выбросить, так и таскает с собой. Встала посередине дороги, людям не пройти. Терпеть не могу старух — и сами не живут, и другим мешают.

Подхожу к троице ребят — неподалеку стоят. Славные такие парни, развитые — наподобие меня.

— Смотрите, — говорю, — старуха какая доисторическая, да еще и с мешком. Не то с кладбища смылась, не то туда ползет.

И мы четвером долго смеялись моему остроумию.

